

1
Государственная
архивная
библиотека
СССР
имеет
в своем распоряжении

МУРЗИЛКА

№5 ЖУРНАЛ ЦК ВАСМ МАЙ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ 1951

Бюлаветомна
Удана Рана
БИБЛИОТЕКА ОУР
СМ. В. И. ЛЕНИНА

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

Я. ТАЙЦ

Рис. Н. ЩЕГЛОВА

НА ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ

1

Расскажу вам про один небольшой немецкий город. В конце войны его захватили американцы, но потом им пришлось уйти оттуда, и в город вошли наши. Жители приветливо встречали советских солдат. Они выстроились вдоль тротуаров и махали платками, шляпами, цветами...

Колонна завернула на главную площадь. И тут вдруг командир скомандовал:

— Стой!

Колонна остановилась. Все — и бойцы и офицеры — в радостном удивлении стали смотреть на большой бронзовый памятник.

Конечно, немало памятников видели бойцы в немецких городах. Но этот памятник был особенный. Это был памятник Ленину!

— Склонить знамёна! — приказал командир.

И победные знамёна, которые бойцы пронесли от Сталинграда до Берлина, с лёгким шелестом склонились перед бронзовой статуей.

Бойцы не могли глаз оторвать от памятника. Каким образом очутился он здесь, в немецком городе, где только что хозяйничали фашисты?

Командир стал расспрашивать жителей. И вот что они ему рассказали.

2

В городе находится большой завод. В войну там работали люди, согнанные со всей Европы: англичане, чехи, французы, поляки... Был там и русский. Звали его Василий. Фамилии его никто не знал, но все знали, что это был отважный юноша. Он смело сражался с фашистами, защищая родную деревню. Но его оглушило гранатой. А очнулся он уже в поезде. Фашисты везли его в глубь Германии.

«Убегу! — думал Василий. — Не стану жить в фашистском плену».

Но убежать было невозможно. Охрана была очень строгой. На завод гнали под усиленным конвоем.

Василия поставили на разгрузку. К заводу вела ветка железной дороги, и по ней каждый день приходили длинные товарные составы с обломками танков, пушек, самолётов.

Фашисты были очень бедны металлом. Они подбирали всё, что могли, и отправляли в печь, в переплавку.

Василий не хотел им помогать и работал кое-как, только для видимости.

Однажды он разгружал длинный двойной товарный вагон. Не спеша поднимал он то медную плиту со свастикой, то крыло «Мессершмитта» с чёрным крестом, то разбитый мотор... Он радовался, что поезда привозят с востока много обломков. Значит, наши крепко бьют фашистов.

Вдруг ему показалось, будто он увидел лицо Ленина. Он не поверил себе.

Но когда Василий как следует пригляделся, он увидел, что в вагоне среди груды металла лежит большая бронзовая статуя Ленина.

Особое чувство охватило Василия. Вся прежняя, привольная жизнь сразу же представилась ему. На сердце у него защемило, слёзы подступили к глазам. Он не выдержал, нагнулся и поцеловал выпуклый холодный бронзовый лоб.

3

Неподалёку стоял француз по имени Анри. Василий потихоньку позвал его. Анри пригляделся к статуе и вдруг обернулся к Василию и как-то по-своему, с ударением на последнем слого, ласково произнёс:

— Ленин!

Он махнул рукавицей англичанину Джону, который работал у лебёдки. Тот посмотрел на статую и так же ласково, но уже на свой лад, на английский, произнёс:

— Ленин!

...И чех узнал Ленина, и поляк, и негр... Все, кто ни подходил к вагону, все узна-

вали Ленина и шопотом, с любовью повторяли:

— Ленин, Ленин!

Но долго смотреть на Ленина не пришлось. Вдоль состава уже бежал часовой с автоматом, покрикивая:

— Шнеллер! (Быстрей!)

Василий и его товарищи начали выбрасывать из вагона всякие обломки. И скоро стала видна вся статуя. И Василий понял: это был памятник Ленину, который раньше стоял в советском городе. Фашисты, как воры, украли его, сняли с постамента и вот привезли в Германию, для того чтобы отправить в печь, в переплавку.

«Нет, не бывать этому!» — решил Василий. Он стал знаками показывать товарищам:

«Нельзя в переплавку! Понимаете, нельзя! Ленин».

И все — и англичанин, и чех, и француз, и поляк, — все сразу поняли Василия и стали повторять вслед за ним:

— Нельзя! Ленин! Ленин!

Как только часовой пробежал к хвосту поезда, Анри и Джон осторожно, с помощью лебёдки, приподняли статую и бережно опустили её на тележку.

Василий спрыгнул с подножки вагона и тоже взялся за рукоятку тележки.

Они откатили статую в сторону и стали советовать, как быть. Объяснялись не столько языком, сколько руками. Но тут снова подбежал часовой:

— Что стали? Шнеллер!

Делать было нечего. Пришлось снова толкать тележку по узким рельсам, которые были вделаны в цементный пол завода. Рельсы вели в горячий цех.

И вот широкие двери на колёсиках раздвинулись. За ними kloкотали большие плавильные печи. У одной из них стоял старый немец в синих очках и потёртой кепке. Это был горновой. Он оглянулся и крикнул:

— Что вы там замешкались? Давайте, а то печь стоит!

Василий крепче стиснул рукоятку тележки. Пусть только горновой попробует взять статую! Ему тогда не сдобровать. Часовых здесь бояться нечего. Они в этот цех и не заходят, потому что здесь работают немцы.

— Вы что, оглохли, что ли? — крикнул снова горновой. Снимая на ходу синие очки, он подошёл к тележке.

Пленные тесной толпой окружили его. Старый горновой посмотрел на тележку.

— Пойдите! Кто это? Ленин! — охнул старый рабочий. Он поднял руку и снял с головы мятую, прожжённую во многих местах кепку. Вдруг он заторопился: — Что ж вы стоите? Везите туда, на задний двор, скорей, пока обер-мастер не видит. Пока ночь. Пока темно. Скорей!

— Спасибо, друг! — по-русски сказал Василий и вместе с другими стал толкать тележку к выходу на задний двор.

Там, в укромном углу, куда никто не ходит, рабочие нашли подходящее место, выровняли его, углубили, положили статую и заботливо прикрыли её брезентом, мотками ржавой проволоки, досками.

И статуя пролежала в тайнике заводского двора целых два года, до самого конца войны.

И вот окончилась война. Пришла долгожданная победа. В городе стали хозяйничать американцы. Старый горновой вместе с двумя рабочими отправился к американскому коменданту и сказал:

— Мы хотели бы поставить в городе памятник.

— Кому?

— Ленину!

— Что? — рассердился американец. — Большевизм разводите! Не позволю!

И тут все поняли, что вместо немецкого фашизма пришёл американский. Пришлось рабочим снова прятать статую, теперь уже от американцев.

Но через два месяца, когда Василий уже был на родине, жители узнали, что город переходит в советскую зону. Все обрадовались.

Старый горновой не мог заснуть в этот вечер. Он отправился на завод и сказал:

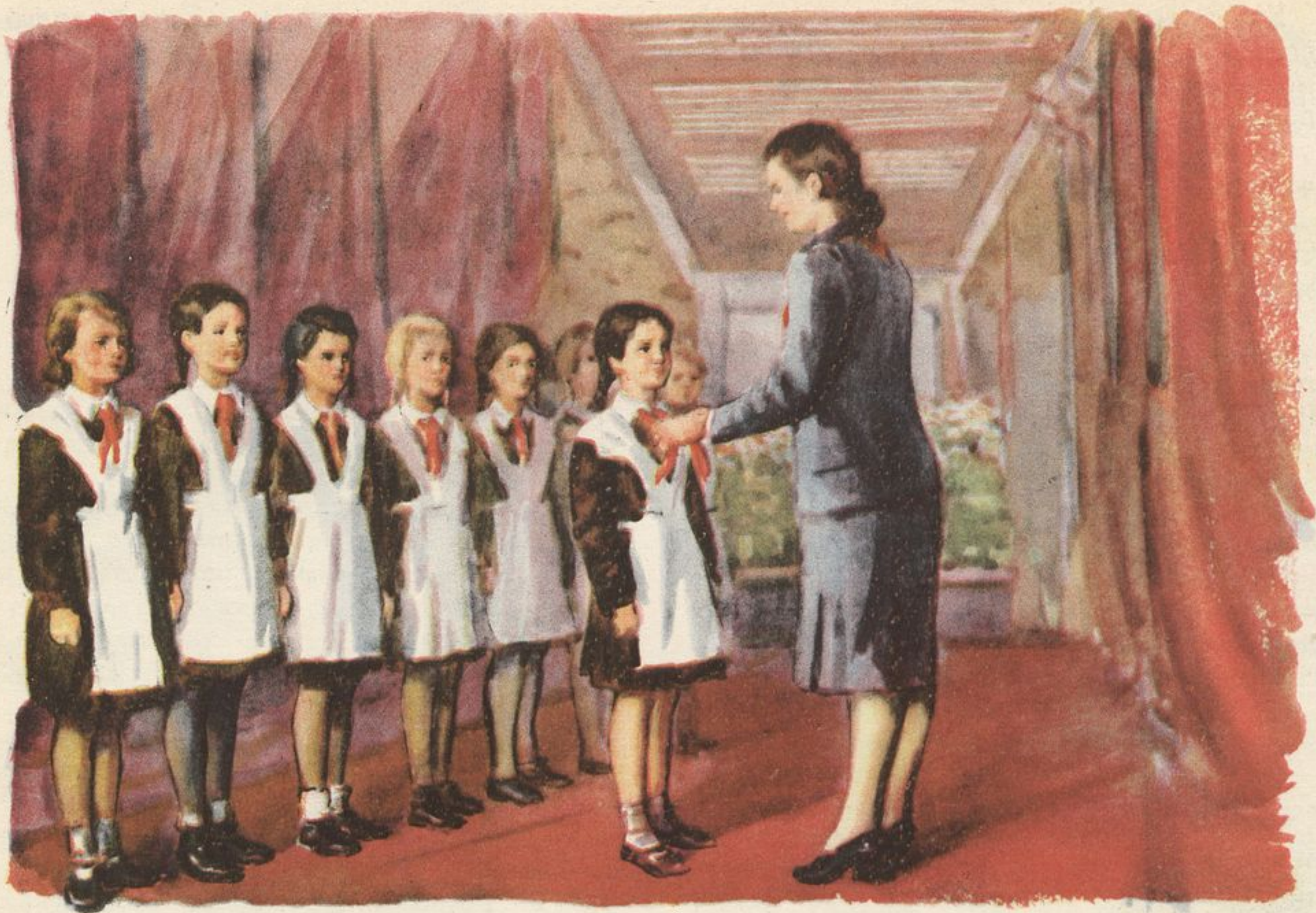
— Американцы убираются. Давайте поставим памятник. Завтра утром русские войдут в город и увидят на площади Ленина.

Времени было мало. Летняя ночь коротка. Но рабочие руки не боятся труда. Все дружно взялись за дело. И к полуночи на площади города уже вырос высокий каменный постамент. Потом привезли статую и стали её водружать на место. И когда над городом взошло солнце, оно осветило высокую бронзовую статую. Ленин, как живой, стоял на площади, протягивая руку навстречу новому дню...

Так появился в городе памятник Ленину. Он и сейчас там стоит. Первого мая у его подножия собираются пионеры. Их встречает старый горновой. Он читает им письмо:

— «Дорогие пионеры свободной Германии! Поздравляю вас с Первомайским праздником. Вы, наверное, часто собираетесь у памятника Ленину? Любите Ленина! Ведь Ленин боролся за мир и счастье народов. Ваш Василий».

Пионеры украшают памятник первыми весенними цветами и свежими зелёными ветками. А над ними стоит Ленин и с доброй, ленинской улыбкой смотрит на старинный немецкий город...

О. ВЫСОТСКАЯ

Рис. С. БОЙМА

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Красным галстуком гордиться
Мы привыкли с малых лет.
Это — знамени частица,
Это — звезд кремлёвских свет.

Словно знамя, всем он виден.
Ты свой галстук береги!
Этот галстук ненавидят
Нашей родины враги.

Этот галстук уважают
Все, кто любит честный труд.
Как одна семья большая,
Звенья ленинцев растут.

С этим галстуком смелее
Ты отправишься в поход.

С ним быстрее, веселее
Дело трудное пойдёт.

Если встретишься с грозой,
Он тебе прибавит сил:
Ведь его носила Зоя,
Кошевой его носил.

Так храни же галстук этот!
Он тебе надёжный друг.
Он правдивым, ясным светом
Освещает всё вокруг.

С ним иди в далёкий путь
И его достоин будь!

МЕЖДУ ВОЛГОЙ И ДОНОМ

На этих картинках художник нарисовал две машины — землесос и грузовик-самосвал. Такие машины работают сейчас между Волгой и Доном.

Кто раньше бывал в тех местах, тот видел не раз: лежит ровная, как стол, полынная степь. Идёшь, идёшь, и кажется, конца-краю не будет. Вдруг прямо под ногами — широкий овраг, глубокий, как пропасть, и длинный, на десятки километров, до самой Волги. Зовут такие овраги балками.

Встанешь над краем балки, глянешь вниз и задумаешься: где же тот землекоп, который такую канаву выкопал? И куда он землю девал: кругом ни бугорка, ни холмика...

А кому пришлось побывать в низовьях Волги, тот видел другую картину. Идёшь по сожжённой солнцем степи, и вдруг впереди встаёт высокая гора. Подойдёшь поближе, запроки-

нешь голову и удивляешься: кто же ту гору насыпал и где взял землекоп столько песку?

И балки и эти горы один и тот же работник делал — вода.

Весной, когда тают снега, и осенью, когда дожди падают с неба, бегут по степи весёлые ручейки. Бегут, звенят и катят лёгкие песчинки. Кажется, много ли по песчинке земли унесёшь? А уносит столько, что там, где бежал ручеёк, — не сразу, конечно, а за долгие годы, — ложится в степи глубокая балка. Песок из балки ручей выносит в реку, мутит широкую Волгу, и эта муть — несметное множество песчинок — катится с водой вниз, в море.

Там, в море, река замедляет свой бег, и все песчинки, сколько их есть, садятся на дно. Так растут на дне моря подводные горы, песчаные «банки», как называют их моряки.

Море давно отступило. А «банки» остались — стоят без пользы в знойных прикаспийских степях. Разве когда степной орёл сядет тут после охоты.

Как раз в тех местах идёт сейчас великая стройка. Чтобы оживить пустынные прикаспийские степи, решил советский народ провести туда воду. Между Волгой и Доном задумали проложить водный путь — две великие реки соединить судоходным каналом.

Работы — непочатый край. Нужно глубокие каналы прорыть, проложить, где задумано, путь воде. Нужно горы земли насыпать — запереть, где намечено, воду прочной стеной.

Вручную, по старинке, с лопатой да с тачкой такие дела не скоро сделаешь. А нам скоро нужно, нам ждать некогда!

Вот и стали инженеры искать таких землекопов, чтобы всю работу выполнить в срок. И нашли: вода — вот могучий работник, вот силач-землекоп!

Построили машину землесос, вроде парохода. Землесос плывёт по воде, подойдёт к тому месту, где нужно рыть, нацелится в землю, в глину, в песок. Машинист запустит насосы — и не ручеёк, не струйка, целый могучий поток хлынет со страшной силой, подмывает гору, промоет глубокую яму, в пыль разобьёт столетиями слежавшуюся землю, прокопает, где нужно, канаву, точь-в-точь как копал ручеёк балку в степи, только много скорее. А другой насос подхватит песчинки вместе с водой, засосёт в широкие трубы и погонит за тысячи метров, туда, где нужно строить стену. Там вода вырвется из трубы, разольётся широким озером, остановит свой бег. Песчинки садятся на

дно, и слой за слоем растёт земляная стена, точь-в-точь как «банка» в море. А если бы с тачками да с лопатами — вместо одного землесоса пришлось бы поставить на эту работу тысячи людей.

Но и вода не везде может трудиться. Есть места, где и воды-то покуда нет. Поднимать туда воду долго и дорого, а горы и там нужно двигать. Опять, значит, берись за лопату да за тачку?

Выходит, так. Только лопата у советских строителей не та, что прежде, и тачка не та. Вместо лопаты могучая машина — экскаватор. У него ковш больше грузовика. А «тачка» — вот она, тут, на картинке, внизу. Вместо тачки на великих стройках коммунизма землю возят грузовики-самосвалы. Принеет груз самосвал, привезёт на место и за полминуты вывалит, где нужно. Таким самосвалом один человек управляет. Если бы на простых грузовиках возить, тут бы тридцать человек понадобилось и восемь грузовиков. А на тачках и считать не стоит.

Вот какие «лопаты» у советских строителей, вот какие «тачки», вот какие помощники.

Музей техники
Москва
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Л. ВОРОНКОВА

Рис. А. ЛУРЬЕ

ЧЕРЁМУХА

Федя, как только проснулся утром, так сразу вспомнил, что сегодня праздник. Да и как тут не вспомнить! Самовар начищен, блестит, как серебряный, и пытит на столе. По всей избе идёт густой запах сдобных лепёшек. И Катюша, старшая сестра, в новом голубом платье ходит и шуршит оборками... Ну как же тут не вспомнить, что праздник наступил?!

Федя живо умылся, надел было свою синюю рубашку, в которой он в будни ходил, но мать сказала:

— Что же это? У всех Первое мая, а у тебя так себе — простой день?

И велела Феде надеть полосатую новую рубашку и ещё ни разу не смятые, новые штаны.

Федя за стол не сел. Но взял сдобную лепёшку и побежал на улицу. На улице было весело. Жарко сверкало солнце в синем пруду. На горе около школы трубил сбор пионерский горн. В небе заливались жаворонки. А над крыльцом сельсовета широко развевался весёлый красный флаг.

Праздник!

Федя вышел из калитки и тут же увидел своих товарищей — Серёньку Галкина и Ваню Фомина. Они бежали к Феде и разбрызгивали тёплые лужи босыми ногами.

— Тише, — сказал Федя. — Не брызгайте. У меня штаны новые — не видите?

— Федька! — не слушая его, крикнул Ваня Фомин. — Пошли в клуб, там комсомольцы зал наряжают!

— Гости из района приедут, собрание будет! — добавил Серёнька. — А потом будут выступленья всякие! Наши ребята тоже будут выступать! И девчонки тоже!

Серёнька Галкин всё это рассказывал Феде уже на ходу, по дороге в клуб.

В клубе шла весёлая работа. Комсомольцы развешивали по стенам красные флажки и пёстрые гирлянды из бумажных цветов. Школьники им тоже помогали: принесли из леса мохнатой медуницы и молодой зелени и ставили букеты в воду.

— Эх, с цветами всё-таки бедно! — сказал пионервожатый Саша Соколов. — Ну, что такое? Что за букеты? Около портрета товарища Сталина только веточки зеленеют, а медуницу эту и не видать совсем!

— А что ж сделаешь? — ответила ему комсомолка Нина. — Ведь ещё не лето, ещё сирень не цветёт!

— Ну что сирень? Хотя бы черёмухи принесли!

— И черёмуха ещё не цветёт, только кисточки набирает!

Федя стоял среди клуба, засунув руки в карманы, и слушал этот разговор.

— А хотите, я черёмухи принесу? — спросил он.

— Во-первых, не «хочете», а «хотите», — сказала ему Нина, — а во-вторых, ребята уже ходили, да не нашли, потому что её ещё нету!

Федя молча повернулся, вышел из клуба и напрямик побежал к большому оврагу. Несколько дней назад ребята ходили к оврагу смотреть, как там ручей бушует. И Федя ходил. И на той стороне оврага видели они большую черёмуху, всю в зелёных кисточках. И Катюша тогда сказала:

— На других черёмухах ещё только листья развернулись, а эта уж кисточки набрала. Значит, стоит на припёке!

Федя бежал к оврагу и думал:

«Уж дней пять прошло! Небось, распустилась».

А черёмуха, и правда, распустилась. Она, словно белый букет, стояла над глинистой кручей.

Федя осторожно спустился вниз. На дне оврага всё ещё бурлил весенний ручей.

Он разбежался, перепрыгнул, да на берег-то не попал, а попал в воду. Весь обрызгался и штаны замочил. Федя вылез на берег и стал отжимать штаны.

— Эх ты! — проворчал он. — И зачем-то новые штаны дали!

А потом решил: «Ну и что ж? Высохнут — ещё новее будут!» И полез наверх к черёмухе. Он добрался до белых веток, наломал целую охапку. И стал пробираться вниз, обратно. Но спустился Федя гораздо быстрее, чем думал. Как-то поскользнулся на глинистом обрыве, да и съехал прямо к ручью. Встал, посмотрел

на свои новые штаны, вздохнул. И побежал домой.

Нина первая увидела Федю.

— Смотрите, ребята: Федюнька черёмухи принёс!

Все ребята принялись хвалить Федю:

— Вот молодец! Вот выручил!

Они поставили белый душистый Федин букет к портрету товарища Сталина, и в клубе стало ещё веселее, ещё наряднее.

— И посмотрите, как поспел во-время, — сказала Нина: — уж и народ на митинг собирается, и у нас всё готово!

Федя вышел на улицу. А на луговине перед клубом собирались колхозники на первомайский митинг. И Федина мать пришла. И сестра Катюша. Федя направился было к своим товарищам, которые стояли в сторонке. Но Катюша увидела его и закричала:

— Ой, мамонька, погляди-ка! И весь-то мокрый! И весь-то в глине!

— Батюшки! — всплеснула руками мать. — Да на кого же ты похож, сынок?! Ведь только утром всё новенькое на тебя надела!

Но покачала головой да больше ничего и не сказала: не хотелось ей браниться для праздника.

Это не город. Это один большой дом, огромный, как город, красивый, как дворец. Здесь будет Московский государственный университет. Он ещё строится, но уже высоко над Москвой поднялись просторные корпуса, стройные колонны, многоэтажные башни. Народ, любуясь этим

величественным зданием, назвал его дворцом науки.

Стройка подходит к концу. Скоро тысячи студентов заполнят просторные залы и кабинеты. Здесь они будут слушать лекции лучших профессоров, делать опыты в лабораториях, наблюдать далёкие звёзды.

Но студенты будут не только учиться в этом чудесном доме. Многие из них и поселятся здесь в уютных комнатах. А в свободное время тут же, в своём доме-городе, они будут отдыхать в клубах, смотреть новые картины в кино, кататься на катке, плавать в бассейне.

На самом верху этого здания, внутри башни, будет устроен музей. Там каждый сможет увидеть модель маленького домика, в котором ютился первый русский университет, и памятник великому учёному М. В. Ломоносову, имя которого носит Московский университет в наше время.

НОСИФ ДИК

Рис. Ю. КОРОВИНА

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

В день пионерского сбора 3-го класса «А» председатель совета отряда Гога Салазкин не находил себе места. Приглашённый на сбор двоюродный брат Гоги, Федор Иванович Салазкин, токарь-скоростник, уехал делиться опытом на соседний завод и, стало быть, в школу приехать не сможет. Но когда прозвенел звонок и Мария Ивановна вышла из класса, Гога вскочил на парту и крикнул:

— Ребята! Сегодня мой брат на сбор не придёт! Ничего! Вместо него мы... В общем, подождите пятнадцать минут.

Ребята закричали: «Кто? Кто вместо него?» Но Гога уже выскочил в коридор и побежал в раздевалку.

На улице шёл снег. Гога пробежал

сквер, перелез через чугунную узорчатую ограду, юркнул в сводчатые ворота и очутился перед домом своего закадычного друга, Сеньки Козлова. У Сени замечательный проекционный фонарь и диапозитивы. Гога возьмёт фонарь и покажет ребятам на стене картинки природы: тайгу, горы, Чёрное море. Вот и всё — просто и хорошо.

Гога нажал звонок.

— Сенька не спит? — запыхавшись, спросил он, когда Сенькин дедушка открыл дверь. — Я к нему на секунду!

Гога шагнул было в коридор.

— погоди, погоди... — строго сказал дедушка. — У Семёна сейчас врач. К нему нельзя. У него грипп.

— А я близко не буду к нему подхо-

дать, — сказал Гога. — Я через пространство буду разговаривать.

— Эх, попал ты не во-время, — развёл руками дедушка: — врач сказал, чтоб к Семёну не пускали.

— Да мне только волшебный фонарь взять, — взмолился Гога. — Нам для сбора нужно.

— Волшебный фонарь? Как же я тебе его дам, а вдруг его придётся на дезинфекцию отправить?

— А он у меня от микробов сам на улице проветрится, — уверенно сказал Гога, но, взглянув на дедушку, понял, что уговаривать его — дело бесполезное.

— Извините.

Гога спустился во двор и не спеша вышел на сквер.

Вдруг он остановился. Перед ним стоял негр высокого роста, в сером пальто, почему-то без шапки. Он стоял, протянув перед собой тёмные ладони. На них падал снег, и негр, переводя взгляд с одной ладони на другую, смотрел на снежинки удивлёнными глазами.

Гога подошёл поближе и тоже вытянул вперёд руку. Когда на варежке собралось много снежинок — хрустальных узорных звёздочек, он поднёс их негру.

— Посмотрите, — сказал он, — у вас снежинки на ладони тают, а вот у меня на варежке они не растаяли. Вы в первый раз снег видите, да?

Человек заулыбался, закивал головой и о чём-то быстро заговорил, разглядывая Гогины снежинки.

— Ты что хочешь узнать, мальчик? — вдруг тронул Гогу какой-то подошедший человек в чёрном широком пальто и в меховой шапке. — Ты меня спроси. Этот товарищ только по-английски...

— А-а... — понял Гога. — Вы переводчик. А у нас в классе Федя Поляков тоже по-английски умеет.

— Да, мальчик, я переводчик. А этот товарищ был на Варшавском конгрессе сторонников мира. Теперь он путешествует по Советскому Союзу.

Гога на минуту задумался, потом сказал:

— Дядь, а вы не могли бы сейчас прийти к нам на сбор? Вот бы здорово!

— Это что, на пионерский сбор? — переспросил переводчик.

— Да, да! — закивал Гога головой. Он быстренько расстегнул пальто, взял приколотый к курточке пионерский значок с тремя языками пламени и показал его негру.

Гога думал, что человек его не поймёт, но тот вдруг взглянул на часы и тоже закивал головой. Гога обомлел от радости.

— Далеко идти? — спросил переводчик.

— Да что вы! — замахал руками Гога. — Тут на одной ноге доскакать можно.

— Тогда пошли, — сказал переводчик.

Не успели они втроём войти в вестибюль школы, как ребята из второй смены, стоявшие около раздевалки, толпой окружили негра, стали пожимать ему руку и совсем отёрли Гогу в сторону.

— Ребята! — кричал Гога. — У нас сбор! Отпустите, мы опаздываем!

Но Гогу никто не слушал. Ребята пробовали разговаривать с гостем на пальцах, пытались заговорить по-немецки, а Гурген Мирзоян из 4-го класса даже обратился к нему по-армянски. А гость, непрерывно улыбаясь, кивал направо и налево головой и гладил тёмной рукой ребят по волосам.

Потом ребята стали показывать ему школу, повели в библиотеку, в живой уголок. А Гога не знал, как быть.

— Гога! — вдруг окликнул его Федя Поляков. — Ты куда же убежал? Мы тебя ждали, ждали...

— А я вот ходил товарища приглашать. Он сейчас к нам придёт. Только его надо как-нибудь от ребят оттянуть. Вот что: ты сможешь по-английски пригласить его в класс?

— Конечно, смогу.

Федя подошёл к негру и по-английски с ним поздоровался.

— О-о! — удивился тот, услышав знакомую речь.

Тут Федя сказал ему, что 3-й класс «А» убедительно приглашает его к себе на сбор и просит подняться на четвёртый этаж.

— Переведи на русский! Переведи! — закричали мальчики.

— Не надо переводить, — шепнул Гога. — А то сейчас шум будет.

— Ребята! — вдруг закричал курносый мальчишка из 4-го «Б». — Я тоже английский понимаю. Они хотят нашего гостя увести к себе, в третий «А».

— Нет! Не надо! — зашумели все. — Нам тоже хочется с ним поговорить.

Переводчик обернулся к Гоге:

— А что, если мы соберём всех в зале, а?

«В зале?» — задумался Гога, потом обернулся к ребятам:

— Пошли все в зал!

Через пять минут физкультурный зал был битком набит школьниками. Сюда пришли и те, которые кончили заниматься, и те, которые должны были итти на уроки, пришли и учителя и директор школы.

Переводчик поднялся на сцену.

— Ребята, наш гость был делегатом на Конгрессе сторонников мира в Варшаве. Он папуас и живёт в Новой Гвинее. Он говорит, что ни разу в жизни не видел зимы и хотел бы, чтобы его сын учился в вашей школе.

Ребята захлопали в ладоши. Каждый представил себе далёкие острова на Тихом океане, банановые рощи, кокосовые пальмы и плантации английских торговцев, на которых гнут спину чёрные люди.

Потом стал говорить дорогой гость. Его речь переводил переводчик.

Гость говорил о том, что до сих пор на тихоокеанских островах жива память о великом русском путешественнике Миклухо-Маклае. «Тамо рус» — «человек из России», — называли его туземцы. Он пришёл с миром. Его все любили. Берег Маклая — так на всех картах мира зовётся то место, где жил русский учёный.

Русский народ — самый храбрый и самый миролюбивый на свете. Он не хочет войны. Сталин учит все народы жить в мире.

Во время этой речи Гога, счастливый и гордый, стоял около входа в физкультурный зал. Вдруг он увидел, что по коридору идёт Сенькин дедушка. В руках у него проекционный фонарь. Заметив Гогу, дедушка подошёл к нему.

— Вот Семён просил принести вам, — сказал он, протягивая фонарь. — Чтобы у вас сбор не сорвался. У него, оказывается, не грипп, а лёгкая простуда.

— Спасибо, — сказал Гога. — Но нам сейчас этот фонарь уже не нужен. У нас идёт серьёзный разговор.

— Какой разговор? — переспросил дедушка.

— Серьёзный. О борьбе за мир, — сказал Гога, но чтобы не обидеть ни Сеньки, ни дедушки, взял волшебный фонарь и вошёл с ним в зал.

На лугу.

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

Рис. В. БОГАТКИНА

В Абхазии, в этом маленьком крае, очень большие горы; вершины их достают почти до самого неба.

У подножья одной такой горы, в деревне Олений Родник, жили дедушка и внучек. Деда звали Кан, а внука — Гудал.

Дед носил длинную бороду, зимой и летом кутался в косматую бурку. Маленький Гудал любил стрелять из самодельного лука, и стрелы его порою залетали высоко в синее небо.

Всё было бы хорошо, если б в Оленьем Роднике было чуточку теплее. Ветер дул здесь холодный; он дул так сильно, что с корнем вырывал кукурузу, которую сеют, и молодые яблони, которые сажают. Он вырывал их и уносил далеко-далеко. И жители Оленьего Родника оставались ни с чем: без кукурузы и без яблок.

Однажды Гудал спросил своего деда:

— Скажи, дедушка: почему у нас так плохо растёт кукуруза?

— Потому, что дует Далан, — последовал ответ.

— А почему нет у нас своих яблок?

— Потому, что дует Далан.

Крепко задумался Гудал и снова спрашивает деда:

— Скажи, дедушка: а кто же такой Далан?

Почесал дед бороду и вместо ответа спел своему внуку такую песню:

За большой-большой горой,
За пустыней ледяной
Страшный враг живёт Далан.
Он в ущелье холод гонит;
Горный лес от ветра стонет...
По горам гремит буран...

Внимательно слушал песню маленький Гудал, но так и не понял ничего.

Тогда поведал дед своему внуку рассказ об одном храбреце.

— Это было очень давно, — сказал дед. — Жил в Оленьем Роднике храбрец, имени которого никто не помнит. Пробовал тот храбрец сеять кукурузу, но Далан вырывал её с корнем. Пробовал сажать яблони, но Далан губил и яблони. И решил храбрец итти против Далана, биться с ним смертным боем. Взял он меч, надел кольчугу кованую и ушёл в горы. Шёл он три дня и три ночи и повстречал, наконец, Далана. Был Далан огромный-преогромный, на нём бурка косматая, но не чёрная, как у всех, а белая, снежная. И бородища белая. И усы белые. Надувает щёки Далан и дует на всех страшным холодом. И дыхание его убивает всё живое. Бросился храбрец на Далана. Но подул Далан и вмиг обратил храбреца в ледяную глыбу. И до сих пор стоит та глыба в горах...

Жаль стало Гудалу храбреца. Рассердился мальчик на Далана. Но что поделаешь, — живёт Далан далеко в горах...

Ходит Гудал задумчивый и всё чаще поглядывает на долину. А долина тянется до самого Чёрного моря. И чего только нет в этой долине! И кукурузы вдоволь, и яблок много. Там растут и лимоны, и вкусные мандарины, стройные пальмы стоят рядом с золотой мимозой, и жаркое солнце сверкает в небе...

Жил в этой прекрасной долине мальчик, которого звали Дауд. Ему нравились и солнце и море. Это был трудолюбивый и весёлый мальчик. А вот его любимая песня:

не мешкая, двинулись в горы, в деревню Олений Родник. А взял с собою Дауд вот что: немного семян лимона, немного семян мандарина, немного яблочных семян.

— Мы их посеём, — объяснил Дауд, — и они вырастут и с малолетства привыкнут к холоду. И не будет им страшен Далан.

Как только мальчики пришли в деревню, они тотчас же взрыхлили землю и посеяли семена. Глядит на них старый дед, диву даёт, недоверчиво покачивает головой и поёт старую песню о страшном Далане.

Кончились зимние месяцы. Наступила весна, стало тепло. Поднялись из земли нежные зелёные ростки.

Гудал и Дауд не налюбуются на свои крошечные деревца. Но вот подул Далан, налетел жестокий ветер, и вырвало с корнем нежные ростки, словно их не бывало на свете.

Опечалились Гудал и Дауд: как же быть с Даланом?.. А дед и говорит им:

— А что это зеленеет вон там, у маленькой сосенки?

Гудал и Дауд крикнули в один голос:

— Это же лимон! Как он уцелел?

Да, это было лимонное деревце. А уцелело оно очень просто: небольшая сосенка защитила его от холодного дыхания Далана.

— Эта сосенка, — сказал дед, — сильнее того храбреца, который не смог одолеть Далана.

— Верно, — согласились дети.

И крепко полюбились им эта скромная сосенка.

— А что будет, дедушка, — сказал маленький внук, — если мы посадим много таких сосенок?

Дед подумал-подумал и сказал:

— Худо будет Далану.

Обрадовались Гудал и Дауд, захлопали они на радостях в ладоши.

— Мы будем сажать сосенки вокруг Оленьего Родника, — решили мальчики.

Сказано — сделано. Взяли они кирку и лопату и пошли копать ямки для сосен. Ударил киркой Гудал, и отозвался удар в разных концах.

— Это эхо, — говорит Гудал.

И только он замахнулся снова, а уж удары посыпались один за другим, словно ещё кто-то роет землю.

— Нет, это не эхо, — говорит Дауд.

Поднялись Гудал и Дауд на скалу. И что же они видят?

Вся гора усеяна детьми, и копают они ямки. Но не все копают: одни копают, другие носят из густого леса вырытые сосенки, а третьи сажают деревья.

— Эй! — кричит Гудал. — Что вы делаете?

— Боремся против Далана! — отвечают одни.

— Далану будет конец! — говорят другие.

Вернулись Гудал и Дауд к своим ямкам.

— Значит, мы не одни? — произнёс Гудал.

— Тем лучше, — говорит Дауд.

И когда снова наступила весна и снова стало тепло, не узнать было Олений Родник. Молодой лес окружал деревню, и не было больше пути для холодного дыхания Далана. А в тепле на славу росли лимоны, мандарины и яблони.

Гудал и Дауд любовались молодыми деревцами. А старому деду всё никак не верилось: это Олений Родник или какая-то другая, сказочная деревня?

— Как в сказке, дети мои, — говорил он, — как в сказке!

И не пел больше дед песню о страшном Далане. Нет, он сочинил новую, в ней говорилось о солнце, о весне и о храбрых мальчиках — Гудале и Дауде.

Всё это случилось там, где горы высотой почти до звёзд, где счастливо живут да поживают Гудал и Дауд, да старый дед, и многие другие.

У ПРУДА

Г. ЛАДОНЩИКОВ

День хороший.
Все гусята
от жары залезли в пруд
и шарами жёлтой ваты
по воде легко плывут.

Весел выводок гусиный,
звонок говор гусаков,

а над ними, в небе синем
вьётся коршун высоко.

Мне не страшен коршун грозный.
Он меня боится сам.
Я пасу гусей колхозных
и в обиду их не дам!

Н. АРТЮХОВА

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

КОМПОТ

Ребята съели суп и второе. Дежурные убрали тарелки и поставили вместо них блюда для компота. Няня принесла большую кастрюлю, и в комнате очень вкусно пахло яблоками.

— Ты любишь яблочный компот? — спросил Володя свою соседку Марусю.

Маруся ничего не ответила, и вдруг Володя увидел, что она плачет. Маруся тоже только недавно стала ходить в детский сад. Из всех девочек она была самой маленькой, тихой и незаметной.

И плакала она как-то потихоньку, чтобы никто не увидел и не услышал.

Володя спросил:

— Ты о чём?

И сразу понял, о чём: Марусины слёзы капали как раз на то место стола, где у всех ребят стояли блюда для компота. А у Маруси блюда не было. Не поставили ей дежурные, просчитались. Что же теперь делать? Посоветоваться с Леной? Она сидела напротив, за тем же столом. Но Лена как раз отвернулась и разговаривала с другой девочкой.

А Вера Львовна была далеко, в другом конце комнаты, и уже наливала компот большой ложкой. Ребята начинали есть, и видно было, что компот очень вкусный.

«Нет, — подумал Володя, — когда

А справа и слева уже мчались дежурные, и каждый протягивал Марусе блюдо.

Теперь перед Марусей стояло целых два: одно с зелёными листочками, а другое с розовым ободком.

Володе стало смешно, и Марусе стало смешно.

Разве могут здесь забыть про кого-нибудь? Маруся выбрала себе блюдо с зелёными листочками, а другое, с розовым ободком, отодвинула на середину стола.

Вытерла слёзы и стала есть компот.

я буду дежурным, никого, никого не пропущу!» — Он молча придвинул Марусе своё блюдо.

Маруся так же молча отодвинула его обратно. Блюдо поехало по столу туда и сюда.

И вдруг сразу с четырёх сторон скорая помощь явилась. Сзади подошла Вера Львовна и спросила:

— А кто тут плачет? О чём?

А Лена как раз в это же самое время обернулась и громко сказала:

— Вера Львовна, у Маруси блюда нет!

На обложке рисунок Т. Ерёминной. Портрет И. В. Сталина на 3-й стр. работы художника В. Сурьянинова

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, В. БЕЛЯКОВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор Н. Попов.

Рукописи не возвращаются

Технич. редактор Э. Тышкевич

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06.
Бумага 60×92¹/₂=1,5 бум. л.=3 п. л.

Подписано к печати 5/IV 1951 г.

А03609

Тираж 250 000 экз.

Заказ 617.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

ПЕРВЫЕ ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Сон-трава.

Мать-и-мачеха.

Фиалка.

Купальница.

Одуванчик.

Ветреница.